

© 1998 г. Г.Х. ИБРАГИМОВ

КАТЕГОРИЯ АСПЕКТА В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Специально в научной литературе категория аспекта в дагестанских языках не рассматривалась. В описательных работах о ней высказаны весьма противоречивые суждения. Большинство исследователей склонно к мысли, что в дагестанских языках, особенно в аваро-андо-цезских, категория аспекта (вида) отсутствует, она в процессе динамики заменена временными отношениями. В тоже время многие из них в исследуемых языках находят различного типа дефиниции (определители), обеспечивающие оппозицию характера действия (процесса) по однократности и многократности, завершенности и незавершенности, предельности и неопределенности, конкретности (результативности) и неконкретности (нерезультативности), протяженности и непротяженности, динамичности и статичности и т.д. Набор этих дефиниций неоднороден. Таковыми, например, оказываются: 1) чередование, ср.: авар. *kuṭize* “стучать” — *kezeze* “толкать долго”, “раскачивать”, дарг. *arses* “полететь” — *urser* “лететь”, 2) противопоставление основ, ср.: агул. *aq-e* “сделай” — *m-arq-a* “не делай”, будух. *ṣunṭu* “запрягай” — *ṣiptin* “запряги” (здесь следовало усмотреть чередование гласных основы *u : i*, а также различие предкорневых и послекорневых морфем $n - p < b, u - in$), рут. *huxun* (форма масдара), *huxus* (инфинитив) “сказать” — *halg-in* (масдар), *halgas* (инфинитив) “говорить”, *ijin* (масдар), *ijis* (инфинитив) “бросить, кинуть” — *geribxun* (масдар), *geribxus* “бросать”, “кидать”, цах. *eheš* “сказать” — *jışon-hā'as* “говорить” (букв. “разговор делать”), *i-ḥaš* “ударить”, “бить” — *getas* “избивать”, 3) удвоение основы, ср.: годобер. *kaṇç* “прыгнуть” — *kaṇç-a-ç-i* “прыгать”, *buḡ-i* “резнуть” — *buḡ-a-ḡ-i* “резать”, цах. *uḥas* “родить” — *uḥo-ḥas* “рожать”, 4) наличие специальных морфем в структуре слова типа *-r-, -l-, -j-, -d, d-, -da-, -uri-, -nu-, -uj-, -iri-*, ср.: дарг. *bikēs* “выбрать” — *birkes* “брать”, рут. *ha-l-g-as* < *ha-r-g-as* “разговорить” — *ha-l-ir-g-as* < *ha-r-il-g-as* “разговаривать” // *la-r-g-as* “разговорить” — *la-r-ir-g-as* < *la-r-il-g-as* “разговаривать” и т.д. В связи с изложенным нельзя оставить без внимания высказанные многими кавказоведами суждения о категории аспекта в дагестанских языках.

Е.А. Бокарев в цезском, хваршинском, гинухском языках категорию аспекта не выделяет [Бокарев 1967а: 411–414; 1967б: 429–431; 1967в]. В гунизбском языке [Бокарев 1967г: 481] полагает, что с помощью суффикса *-da* образуются глаголы, выражающие длительное или учащенное действие: *qıwa* “читать” — *qoda* “заниматься чтением”, “учиться”, *ṣaḥa* “писать” — *ṣaḥda* “заниматься письмом”. Аналогичное явление им отмечено в очерке “Бежитинский язык” (соавтор Г.И. Мадиева): “С помощью суффикса *-d-, -da-* образуются глаголы, выражающие длительное или учащающее действие: *ṣaḥal* “писать” — *ṣaḥdal* “заниматься письмом”, *buṣal* “рубить” — *buṣdal* “заниматься рубкой леса”, *qowal* “читать” — *qohdal* “учиться”, “заниматься чтением” [Бокарев, Мадиева 1967: 463].

В багвалинском, тиндинском [Гудава 1967а: 329–333; 1967б: 344–347], каратинском, ахвахском и чамалинском [Магомедбекова 1967а: 393–395; 1967б: 362–364; 1967в: 377–379] языках категория аспекта не выделена. В то же время в чамалинском 58

языке обозначена группа глаголов с “характером” *n* типа *baḡ-aⁿ* “родился”, *bil'-aⁿ* “сварил” [Магомедбекова 1967а: 393]. В семантике этого типа глаголов явно проследживается признак протяженности действия. Далее отмечено несколько глаголов с такой же семантикой, которые принимают *-iⁿ*, *-uⁿ*, например, *baq-iⁿ* “сломался”, *baḡ-uⁿ* “сшил”, *baq-uⁿ* “выкопал”. Глаголы с “характером” *n* дают основание полагать, что элемент *n*, который сохранился в структуре назализованных гласных (*-aⁿ*, *-iⁿ*, *-uⁿ*) семантически связан с протяженностью действия, процесса, более того этот *n* исторически мог оказаться суффиксом категории аспекта.

В годоберинском разграничены прошедшее несовершенное, образованное от деепричастия настоящего времени и глагола *ida* “есть” прошедшего времени (*rešin ḡudata buḡa* “гремел гром”, *ṡušo biḡata buḡa 'arab bali* “отец ушел читать по-арабски”) и прошедшее совершенное, образованное от деепричастия прошедшего времени посредством вспомогательного глагола прошедшего времени (*jaḡi jā jik^oa* “приходила сестра”, *ḡazi baḡu buḡa* “платок был куплен”). Обособленно помечено и результативное прошедшее, образованное от деепричастия прошедшего времени и вспомогательного глагола настоящего времени: *haniḡa ḡabu ida // ḡabuda* “теленоч заболел”, *qeru biḡanda* “взошла пшеница” [Саидова 1973: 131]. Примечательно то, что видовые отношения объяснены терминами временных отношений, в частности “прошедшее несовершенное”, “прошедшее совершенное”, “прошедшее результативное”. Из работы термины “вид”, “аспект” исключены. Видимо, осторожность автора вызвана предыдущими исследованиями, где доминировало мнение об отсутствии в дагестанских языках категории вида.

До последнего времени оставался без ответа вопрос о категории вида и в аварском языке. В научной и учебно-методической литературе этот вопрос или не ставился вообще [Микаилов 1959; 1964], или же его обходили некоторыми общими замечаниями типа “многократный вид” [Бокарев 1949: 54], “глагол учащательного (длительного) залога” [Мадиева 1980: 90], “глагол многократного типа” [Саидов 1967: 774] и др. В то же время в этих работах находим дефиниции, образующие видовые оппозиции глаголов, ср.: *-r-* (*hiḡi* “вопрос” — *hiḡari* “спрашивание”), *-d-* (*ḡuḡaj* “гром” — *ḡuḡadi* “грохотание”), *-dar-* (*q^oaj* “запись” — *q^oadari* “писание”), *-old-* (*heḡej* “питье” — *heḡoldi* “выпивание”), *-rd-* (*kuḡi* “сгиб” — *kiḡardi* “сгибание, кокетничание”), *-qd-* (*bekeri* “бег” — *bekaraḡdi* “беганье”). Отмечены длительные формы глагола, образованные посредством чередования гласных и переменной ударения: *kuṡize* “стучать” — *keṡeze* “толкать длительно” [Мадиева 1967: 264, 265].

Принципиально в новой трактовке вопрос о категории вида в аварском языке рассматривает М.М. Нурмагомедов. Он полагает, что в этом языке категория вида имеет как морфологическую базу, так и иные способы ее функционирования, ср.: *bakize* “появиться” (недлит. вид), *baḡ-bakize* “появляться” (многократно, несколько раз), *baḡarize* “появляться” (длит. вид), *ḡunḡize* “стричь” (недлит. вид), *ḡunḡ-ḡunḡize* “стричь” (многократно, несколько раз), *ḡeḡeḡe* “стричь” (длит. вид). Выводы в пользу наличия категории вида в аварском подкреплены значительным фактическим материалом и заслуживают доверия [Нурмагомедов 1991: 5–9].

Мнение об отсутствии категории аспекта в лакском разделяет Г.Б. Муркелинский [Муркелинский 1967: 498–500]. Весьма условно обозначила категорию аспекта в лезгинском языке У.А. Мейланова. Ею разграничены три типа прошедшего времени несовершенного вида с формантом *-j-*: *qaḡudaj* “брал”, *ijidaj* “делал”, *qaḡuzwaj* “брал бы”, *ijizwaj* “сделал бы”, *qaḡizmaj* “не брал бы”, *ijizmaj* “не сделал бы” (указанные формы нейтральны к результативности действия, процесса). Далее У.А. Мейланова подчеркивает, что многие временные формы передают и видовые оттенки, заменяя собою отсутствующую категорию вида [Мейланова 1967: 357]. Решение этой проблемы с учетом характера протекания или распределения обозначенного глаголом действия представлено в работе “Есть ли категория вида в лезгинском языке?” [Жеримов 1996: 125–135].

На поставленный вопрос дан положительный ответ. В отношении категории аспекта позитивным является разграничение основ “процессного вида” (деепричастие на -з) и “целостного вида” (причастие совершенного вида) в образовании временных форм.

В определении категории аспекта в табасаранском и агульском языках заметно сдержан и лаконичен в суждениях А.А. Магомедов: «Агульский язык ныне не различает категорию аспекта. Однако в различающихся основах деепричастий настоящего и прошедшего времен прослеживается след утраченной категории аспекта, ср. буркиханский говор агульского языка: *aqas* “сделать”, “делать”, деепричастие настоящего времени — *arq-a-ri*, деепричастие прошедшего времени — *aq-u-na*, настоящее конкретное — *arq-ari-a*, прошедшее совершенное (результативное) — *aq-unaj*» [Магомедов 1967]. Различие основ по указанному принципу отмечено в структурах повелительного наклонения и запретительной формы, ср.: *aq-e* “сделай”, *m-arq-a* “не делай” [Магомедов 1970: 156–157].

В северном диалекте табасаранского языка, по мнению А.А. Магомедова, сохранились следы категории вида. Однако они не охватывают всей системы глагола, в частности инфинитив не имеет аспектуальных форм. Ср.: северн. диал. (гов. с. Дюбек) *qawçus* “зарядить”, “окучивать”, основа длительного вида — деепричастие настоящего времени *qiwç-urdi*, настоящее общее *qiwç-urça*, настоящее конкретное *qiwç-urdājza*, аорист *qiwç-arza*, прош. несоверш. *qiwç-urdejza*, прич. наст. *qiwç-arza*, запрет. форма *qi-mi-wç-an*; основа недлительного вида — дееприч. прош. времени *qawç-uni*, прош. совершенное 1 *qawç-unuza*, давнопрош. 1 *qawç-unijza*, прош. только что совершенное *qaawç-iza*, прош. совершенное 2 *qaawç-unuza*, давнопрош. 2 *qaawç-unijza*, будущ. *qawç-idiza*, прич. прош. *qawç-ur*, повелит. форма *qawç-a*. Основы длительного и недлительного вида противопоставляются гласными *i* (длительный вид) — *a* (нелдлительный вид). Для южного диалекта табасаранского языка такое противопоставление не характерно, здесь во всех временных формах представлена одна основа, как правило, недлительного вида [Магомедов 1965: 190–191].

Своеобразное суждение о категории аспекта в табасаранском языке высказано Б.Г. Ханмагомедовым. В одном случае он недвусмысленно утверждает, что в табасаранском языке различается два вида деепричастия: продолжительное, близкое к русскому причастию несовершенного вида, и однократное, близкое к русскому деепричастию совершенного вида. Первое образуется посредством суффикса *-urill-üri*: *arub* “делать”, *ar-uri* “делая”, *ya,dayu,b* “выбирать”, *ya,da,y-u,ri* “выбирая”, второе — от превербных глаголов с помощью суффикса *-ni* и префикса *d-llDV-*: *adayub* “вынести”, *adayni* “вынесши”, *urzub* “посеять”, *durznu* “посеяв”, *bikub* “написать”, *dibiķnu* “написав”. Отмечено также, что будущее общее время образуется от продолжительного деепричастия и будущего времени глагола-связки: *liķuri wu* > *liķuri* “он вообще поработает”. Из семи форм прош. времени, характерных для табасаранского, четыре формы образуются от обоих видов деепричастия (по две формы от каждого): *licuji* (< *licuri wuji*) “ходил вообще”, *licuraji* (< *licuri aji*) “ходил в тот момент”, *dilicna* (< *dilicnu a*) “уже ходил”, *dilicnaji* (< *dilicnu aju*) “уже ходил к тому моменту”. Далее выделены две формы прошедшего времени глагола, образованные от деепричастия совершенного и несовершенного вида, ср.: *la,ħin dapnaji* “работа была уже сделана” и *dapnaji la,ħin* “уже сделанная работа”. В заключении утверждается, что в табасаранском языке нет категории вида. Оттенки, которые передаются в русском глаголе, в табасаранском языке передаются различными временами глагола: *arub* “делать” или “сделать”, *apura* “делает”, *arpu* “сделал”, *apuraji* “в то время еще делал”, *dapna* “уже сделано” [Ханмагомедов 1967: 554–555].

В будухском и хиналугском языках Ю.Д. Дешериев однозначно утверждает наличие категории вида: «Глаголы имеют два вида, выражающий повторяющееся, многократное действие: *çinṭu* “запрягай”, *ħa,alṭu* “выливай”, *çoloyu* “зарывай”, недлительный, обозначающий однократное действие: *çiptin* “запряги”, *ħa,atil* “вылей”, *çobuyul* “зарой» [Деше-

риев 1967а: 652]. И в хиналугском разграничены два вида глагола: недлительный, обозначающий однократное действие: *fatk-uj* “бросить”, *cek-uj* “продать”, и длительный, обозначающий повторяющееся многократное действие, который образуется при помощи суффикса *-iri*, присоединяемого к основе глагола недлительного вида, например, *fatk-iri* “бросать”, *cek-iri* “продавать” [Дешериев 1967б: 670].

Функционирование категории вида в хиналугском подтверждено и А.Е. Кибриком: “Грамматическая категория вида формально выражается в противопоставлении основ. Выделяются две главные основы — результативная и нерезультативная, от которых образуется большинство глагольных форм, и две вспомогательные — результативная и нерезультативная” [Кибрик и др. 1972: 166–184]. В работе подробно рассмотрены глагольные основы — результативные и нерезультативные. Значения временных форм, образованных от нерезультативной основы, несколько условно развиты по отношению к моменту речи на настоящие, прошедшие и будущие. По наблюдениям А.Е. Кибрика (и др. соавторов) в хиналугском семантика результативной основы не допускает образования будущих времен. Логично констатировано, что результативность в основном соответствует прошедшему времени. Здесь интерес представляет возможность реализации результативности в перфектном значении, т.е. в момент речи, что в идеале соответствует настоящему времени [Кибрик и др. 1972: 178–184].

Последовательно идею о видовом значении в дагестанских языках А.Е. Кибрик проводит в последующих работах. В глагольной морфологии в одних языках выделены лишь обусловленные семантикой базовые глагольные основы, например в аварском (гов. с. Чадаколюб), андийском, чамалинском (гов. сс. Нижнее Гаквари, Гигатли): исходная основа, инфинитив, аорист, императив, прохитив, в тиндинском: исходная основа, инфинитив, аорист и императив, в других — разграничены видовые основы, в частности, в лакском — основы недлительного, длительного и итеративного видов, в даргинском (гов. с. Чираг) — основы сов. и несов. видов, в арчинском — четыре видовых основы: несовершенный, совершенный, финалис и потенциалис, в табасаранском (гов. с. Дюбек) и агульском (гов. с. Буршаг) — основы сов. и несов. видов, в рутульском и цахурском — три видовых основы: совершенный, несовершенный и потенциальный, в крызском и будухском языках — две основы сов. и несов. видов, в хиналугском, как отмечено выше, — два вида: совершенный и несовершенный [Кибрик, Кодзасов 1988: 16 и сл.]. Выявление видо-временных отношений в глагольной морфологии дагестанских языков вытекает из постулата, что “... порядок следования морфем объясняется порядком вложения значений одних категорий в значения других”, например: “корень” + “вид” + “время” + “наклонение”. “В значении каждой из данных категорий имеется переменная, которая заполняется значением той морфемы, которая непосредственно ей предшествует в глагольной словоформе” [Кибрик 1992: 31]. Далее, в монографии “Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания” убедительно обоснована мысль, что “конкретные лингвистические факты суть проявление универсальных свойств языка и рассмотрение каждого конкретного факта требует помещения его в многомерное пространство единой лингвистической теории” [Кибрик 1992: 3]. Именно в таком видении исследованы видо-временные категории в дагестанских языках. В связи с этим следует отметить важность некоторых теоретических суждений в оценке глагольной словоформы: «Состояния могут быть “органическими” и “производными»»; “производное состояние... мыслится как полученное в результате совершения некоторого процесса или действия”; “действия могут быть предельными или непредельными”; “предельные действия органически имеют свое естественное завершение, ... непредельные такого естественного завершения не имеют. ... Источником производных состояний являются предельные действия” [Кибрик 1992: 136]. И еще: рассматривая грамматические категории арчинского глагола, А.Е. Кибрик особо подчеркивает: “Важными для нашей темы являются категории вида, времени и континуальности” [Кибрик 1992:

140]. Таким образом, в работах А.Е. Кибрика проблема категории вида в глагольной морфологии дагестанских языков находит обоснованное решение.

Интуитивно функционирование категории аспекта в дагестанских языках заметили П.К. Услар и А.М. Дирр. В грамматическом очерке “Рутульский язык” А.М. Дирр оставил полезные сведения о категории аспекта. В частности, он заметил, что часть глаголов в наст. времени (а также в некоторых временных формах) перед корнем принимает *-l-* и *-r-*. С учетом этих различий, включая и чередование корневого согласного, А.М. Дирр различает в рутульском языке глаголы с одной, с двумя и с тремя основами: одна основа — *raγun* “пить”, *raγ* “пей”, *jiqin* “умереть”, *jiq* “умри”, две основы — *lixin* “оставить”, *lirx* “оставь”, *q'udqun* “отрезать”, *q'ulqe* “отрежь”, три основы — *ji-*, *ji-š*, *ji-k* “будь”, *ji-š-in* “быть”. Далее А.М. Дирр пишет, что первая основа (из которой образуется настоящее и производные от него) отличается часто от второй (основы Perfectum'a и производных) аффиксами *-r* и *-l*. Первый ранее был отмечен в арчинском и агульском языках, где оба встречаются в настоящем, в табасаранских глаголах *-r-* (и иногда *-l-*) — местоименный элемент множественности [Дирр 1911: 58]. В лакском посредством *-l (a)* образуются глаголы продолжительного действия [Услар 1890: §226]. Как отмечено выше, в даргинском многие глаголы образуют “продолжительное” инфиксами *-l-* и *-r-*. Ясно, что указанные элементы во всех этих языках имеют сходные функции: они или обозначают везде продолжительность действия (настоящее и продолжительная форма), или указывают на многократность действия, т.е. на своего рода повторение, а повторение и продолжительность могут очень легко выражаться одним и тем же элементом. А.М. Дирр связывает категорию вида в рутульском языке со спряжением. По этому поводу он отмечает, что глагол спрягается с помощью известных форм глагола “быть” *wi* и *wa*, которые тесно сливаются с разными глагольными основами. Из имевшихся у А.М. Дирра примеров он заключает, что сложное спряжение употребляется главным образом для обозначения продолжающего действия. Он отмечает, что во всех известных ему случаях глагол имеет основу настоящего [Дирр 1911: 58, 59, 95].

В цахурском языке А.М. Дирр в морфологической структуре глагола (гов. с. Микик) не выделяет категорию аспекта. Тем не менее некоторые его замечания о структуре глагола непосредственно связаны с этой категорией. В частности, он пишет: “Гласная, которая стоит непосредственно перед согласной корня или отделена от нее классным элементом, подвергается многочисленным изменениям не только в зависимости от времени глагола, но также в том смысле, что классный элемент влияет на нее. Кроме того, незнакомые мне еще законы, управляющие этими изменениями, перекрещиваются еще стремлением к уподоблению гласных между собой” [Дирр 1913: 59]. В первом случае А.М. Дирр обратил внимание на гласный, который появляется перед корневой морфемой в основе презенса и ветатива. Естественно, что этот гласный ориентирован на несовершенный вид (логически презенс и ветатив связаны с несовершенным видом), стало быть его можно квалифицировать как показатель категории аспекта. Во втором случае, наряду с многочисленными изменениями фонетического плана, засвидетельствовано чередование гласных, непосредственно связанное с категорией вида. А.М. Дирр, к сожалению, не смог отграничить позиционные изменения гласных от морфологических. Ради справедливости следует отметить, что морфологическое чередование, отражающее видовые отношения, формально может быть отнесено к категории времени. В сближении видовых и временных отношений отразилась общая тенденция нейтрализации аспекта и замены её категорией времени (это явление в целом универсально для дагестанских языков).

А.М. Дирр в цахурском глаголе разграничивает три типа спряжения. В третий тип включены глаголы с редуцированной основой в презенсе и ветативе [Дирр 1913: 68, 75]. Следует добавить, что редупликация здесь выступает как дифференцирующее средство видовых отношений. Несмотря на ряд отличительных особенностей категория

аспекта в цахурском и рутульском (пожалуй, и в большинстве самурских языков) имеет много общего. В категории аспекта общим для всех языков оказываются её распад и затухание, нейтрализация семантических отношений в видовых измерениях и замена их временными отношениями. В одних языках эти процессы реализовались более последовательно, в других они протекают медленно, и сохраняются не только явные следы, но и функциональные дефиниции в структуре глагола.

Материалы по глаголу мухадского диалекта рутульского языка показывают, что категория аспекта здесь подверглась существенному распаду, идет процесс затухания её. Отсюда и смешение форманта аспекта и показателей классов в основе ряда глаголов. Однако многие глаголы в мух. диалекте сохранили форманты аспекта *-l-* и *-r-*, которые выступают перед корневым согласным. Морфологическая функция форманта аспекта еще в значительной мере сохраняется. Но, с другой стороны, идет процесс затухания её. Об этом свидетельствуют те глагольные формы, которые допускают параллельное употребление их как с формантом аспекта, так и без него, ср. *hagun* “видеть”:

	Повел. накл.	Наст. недлит.	Наст. длит.
I, IV кл.	<i>ha-g°a</i>	<i>ha-g°ara</i>	<i>ha-r+g°ara</i>
II кл.	<i>ha-r-g°a</i>	<i>ha-r-g°ara</i>	<i>ha-ru-r+gara</i>
III кл.	<i>hu-w-ga</i>	<i>hu-w-gara</i>	<i>hu-wu-r+gara</i>

В повел. наклонении формант аспекта не сохранился, классную оппозицию составляют *-θ-* (I, IV кл.), *-r-* (II кл.), *-w-* (III кл.), в наст. времени классную оппозицию составляют те же показатели, однако в наст. длительной форме с формантом аспекта *-r-* эти показатели огласованы (*-ru-*, *-wu-*). С затуханием категории аспекта в мухадском глаголе связан ряд фонетических явлений: преобразование форманта аспекта в показатель класса, выпадение (в единичных случаях форманта аспекта, в других — показателя класса), метатеза форманта аспекта и показателя класса и др. Категория аспекта в глаголе в мухадском диалекте выражается не только специальными формантами, но и другими средствами, в частности, сложением двух основ и редупликацией основы. Эти явления в большей или меньшей степени характерны и для других диалектов рутульского языка. Категория аспекта, как правило, связана с семантикой глагола. В рутульском (мухадский диалект) выделяются:

1. Глаголы, которые не сохранили в парадигме дифференцирующих элементов аспекта. В этих глаголах категория аспекта заменена категорией времени. Ср. I, IV кл. *ha'-as*, II кл. *ra'-as*, III кл. *wa'-as* “делать”, I, IV *ha'-ara*, II *ra'-ara*, III *wa'-ara* “делая есть”, I, IV *ma-*, II *ma-ra-*, III *ma-wa-* “не делай”, I, IV *ja-ḥas*, II *ra-ḥas*, III *wa-ḥas* “бежать, сбежать”, I, IV *ja-ḥ*, II *ra-ḥ*, III *wa-ḥ* “сбегай, беги”, I, IV *ja-ḥara*, II *ra-ḥara*, III *wa-ḥara* “бегает”, I, IV *ja-ḥira*, II *ra-ḥira*, III *wa-ḥira* “сбегал”, I, IV *mi-ja-ḥ*, II *mi-ra-ḥ*, III *mi-wa-ḥ* “не бегай”, I, IV *ḡa-ḥas*, II *ḡa-r-ḥas*, III *ḡa-w-ḥas* “не бегать” и т.д. Здесь оппозиция совершенности и несовершенности нейтрализована, доминирует семантика совершенности как важный признак прошедшего времени;

2. Глаголы, обозначающие длительное (учащенное) действие, полностью сохранили в парадигме формант аспекта (структурные элементы выделяются дефисом -, сочетание форманта аспекта и корневого согласного отмечено знаком +, послекорневые элементы не выделяются). Ср. I *ha-l+gas*, II *la-l+gas* (<*ra-l+gas*), III *wa-l+gas*, IV *da-l+gas* “говорить”; I *ha-l+gara*, II *la-l+gara* (<*ra-l+gara*), III *wa-l+gara*, IV *da-l+gara* “говорит”; I *ha-l+gira*, II *la-l+gira* (<*ra-l+gira*), III *wa-l+gira*, IV *da-l+gira* “говорил”, I *ma-li+g*, II *ma-ri+g* // *ma-ri-l+g*, III *mu-wu-l+g* // *mu-w-lu+g*, IV *ma-li+g* // *ma-d-li+g* “не говори”; I, IV *ḡa-l+gas*, // *ḡa-ra-r+gas* (<*ḡa-ra-l+gas*), III *ḡa-wa-l+gas* // *ḡiwi+gas* “не говорить” и т.д. Здесь предкорневой *-l-* бесспорно является формантом аспекта (его в том же значении отмечали в других дагестанских языках).

В этой же группе проходят глаголы учащенного (длительного) действия, образованные сложением двух основ или редупликацией. Вторая основа этих глаголов в большинстве случаев перед корневым согласным имеет формант аспекта. Возможны случаи отсутствия редупликации или сложения основ в отдельных формах в парадигме глагола. Приводим примеры (сложение основ разграничено через тире —): I, IV *ja_v-h* — *jä-r+kas*, II *ra_v-h* — *rä-r+kas* (<*ra_v-h* — *rä-l+kas*), III *wa_v-h* — *wä-r+kas* (<*wa_v-h* — *wä-l+kas*) “валяться”, I, IV *ja_v-h* — *jä-r+kara*, II *ra_v-h* — *jä-r+kara*, III *wa_v-h* — *wä-r+kara* “валяется”, I, IV *ja_v-h* — *jä-r+kir*, II *ra_v-h* — *rä-r+kir*, III *wa_v-h* — *wä-r+kir* “валялся” (здесь доминирует семантика учащенности, повторяемости; в морфологическом плане она обеспечена морфемой *-r*-, видимо, восходящей к *-l*-, а также сложением основ *ja_v-h*- и *jä-rkas*); I, IV *γu-r+γas*, II *ru-γu-r+γas*, III *wu-γu-r+γas* “вертеться”, I, IV *γu-r+γara*, II *ru-γu-r+γara*, III *wu-γu-r+γara* “вертится”, I, IV *ru+γuri*, II *ru-ru-r+γuri*, III *wu-r+γuri* “вертелся”, I, IV *ma-ru+γ*, II *ma-ru-ru+γ*, III *ma-wu-ru+γ* “не вертись”. В прошедшем времени и ветативе нет редупликации, но основы сохраняют формант аспекта *-r*-. В будущем времени параллельно представлены обе формы, ср.: I *γu-r+γasi* // *ru-γasi*, II *ru-γu-r+γasi* // *ru-r+γasi* и т.д. Неполнота редупликации глагольной основы в парадигме является инновацией. Процесс обусловлен распадом, затуханием категории аспекта. Здесь нарушена и последовательность употребления форманта аспекта;

3. Значительное число глаголов сохранило видовое различие посредством форманта *-l* (<*-r*-), ср.: I *sa-tas* “оставить”, *sa-l+tas* “оставлять”, I *sa-tir* “оставил”, *sa-l+tir* “оставлял”, I *ha-gura* “увидел”, *ha-r+gura* “видел” и т.д.

4. Часть глаголов имеет видовые пары, например: *gerubxus* “бросать”, *ijis* “бросить”, “кинуть”, *jihis* “бить”, “ударять”, *jetes* “побить”, *halgas* “говорить”, *ixus* “сказать” и т.д. [Ибрагимов 1978: 89–94, 156–157, 180–181, 216–220, 272–274].

Категория аспекта в цахурском языке подверглась сравнительно большому распаду, чем в родственном ругульском. Тем не менее, следы категории аспекта в морфологической структуре глагола еще довольно отчетливо прослеживаются. Правда, в этом отношении не все глаголы характеризуются одинаково. Одни глаголы в спрягаемой форме полностью утратили категорию аспекта. Здесь она заменена временными отношениями, например: I, IV *g-e-tu*, II *g-e-j-tu* > *g-ē-tu*, III *g-e-we-tu* > *g'-ō-tu* “избил”, I, IV *g-e-ta*, II *g-e-j-ta* > *g-ē-ta*, III *g-e-we-ta* > *g'-ō-ta* “избивает”, “избивая”, I, IV *gi-me-ta*, II *gi-me-j-ta* > *gi-mē-ta*, III *gi-me-we-ta* > *gi-mō-ta* “не избивай, не бей” и т.д. Другие же (их значительно больше) различают категорию аспекта. В этих глаголах видовые отношения выражаются как морфологическими, так и лексическими средствами. Морфологическими являются специальные форманты *j*, *r*, *a*, чередование предкорневых гласных *i* — *e*, *a* — *e*, а также дополнительное чередование гласных *a* — *i* в превербах. К лексическим средствам, выражающим аспект, относятся редупликация и сложение.

Дуративные глаголы в парадигме последовательно сохраняют формант аспекта, например: I, IV *i-j+karas*, II *i-ji+j+karas*, III *i-wi-j+karas* “ходить” (знаком + выделен формант аспекта, предшествующий корневой морфеме), I, IV *i-j+kire*, II *i-ji-j+kire*, III *i-wi-j+kire* “ходи”, I, IV *i-j+kir*, II *i-ji-j+kir* // *i-j+kir*, III *i-wi-j+kir* “ходил”, I, IV *i-j+kar*, II *i-ji-j+kar*, III *i-wi-j+kar* “ходит”, I, II, IV *i-mi-j+kar*, III *i-mi-wi-j+kar* “не ходи” (таковы также глаголы *i-j+γ'aras*, *ji-j+γ'aras*, *wi-j+γ'aras* “родить”, *a-j+ħaras*, *a-je-j+ħaras*, *a-wa-j+ħaras* “купаться”, *a-j+ħanas*, *a-je-j+ħanas*, *a-wa-j+ħanas* “копашиться”, “возиться”, *q'o-j+xaras*, *q'i-je-j+xaras*, *q'i-wo-j+xaras* “раскачиваться”).

Ряд дуративных глаголов видовые отношения передает лексическими средствами: редупликацией или сложением двух основ, ср.: *i-ki-j+ka-ras* (I, IV) “болеть”, *i-ki-j+kanas* (I, IV) “любить, хотеть, желать” и т.д. Вторые основы композитов перед корневой морфемой регулярно содержат формант аспекта *-j*.

В парадигме некоторых глаголов простая основа в форме презенса, ветатива и негатива противопоставляется сложной основе остальных глаголов, образованных посредством вспомогательных глаголов *ixes* “быть”, *ha’as* “делать”, см.: *aça-xe* (<*aça-ixe*) “знай”, *aça-xa* (<*aça-ixa*) “узнал”, “узнав”, *aça* “знает”, “зная” и др. В глаголе *oxanas* // *ixijxanas* “пастись” функционируют две основы: простая и редулицированная. Общеизвестно, что редуликация основы в парадигме, как лексическое средство реализации видовых отношений, связана с многократностью действия [Хайдаков 1975: 63–75].

Некоторые глаголы в морфологической структуре основ презенса и ветатива в отличие от остальных форм имеют специальные форманты аспекта, выступающие перед корневой морфемой. В качестве форманта аспекта засвидетельствованы *j*, *a*, чередование гласных: *i* — *e*, *a* — *e*, дополнительно в превербах — *a* — *i*, например: *q’a-w-xes* “слышать”, *q’a-w-xe* “слушай”, “послушай”, *q’i-mi-j-xe* “не слушай”, *q’a-j-xi-* “слушал, услышал”, “услышав” (в значении деепричастия закреплена семантика совершенного вида: *gaf q’awxi, zi inaqa ari* “услышав разговор, я пришел сюда”), *q’i-wi-j-xe* “слушает”, “слуша”.

В генезисе категории аспекта определенный интерес представляет элемент *-wV-*, следующий за превербом в морфологической структуре некоторых глаголов. Однако в ветативе и негативе элемент *-wV-* или выпадает, или же перемещается за формантом ветатива (соответственно и негатива). Выпадение *-wV-* в ветативе компенсируется появлением форманта аспекта *-j-*. В свою очередь, в глагольных формах с классным согласованием (*-r-*, *-b-*, *-d-*) элемент *-wV-* лишен функциональной нагрузки. Этимологизирование *-wV-* в данном случае значительно затруднено. Но вполне допустимо, что интересующий нас *-wV-* получен в результате взаимодействия форманта аспекта и показателя класса. Отмеченное явление см. в парадигме глаголов *giwaḥanas* “повесить”, *hiwaḥes* “хранить”:

	Футурум	Перфект
I	<i>gi-w-a-ḥanas</i> (< <i>gi-wa-ḥanas</i>)	<i>gi-wa-r-ḥin</i>
II	<i>gi-w-ē-ḥanas</i> (< <i>gi-we-j-ḥanas</i>)	<i>gi-wa-r-ḥin</i>
III	<i>gi-w-ā-ḥanas</i> (< <i>gi-wa-w-ḥanas</i>)	<i>gi-wa-b-ḥin</i>
IV	<i>gi-w-a-ḥanas</i> (< <i>gi-wa-ḥanas</i>)	<i>gi-wa-d-ḥin</i>
	Презенс	Перфект негативный
I	<i>gi-w-aj-ḥan</i> (< <i>gi-wa-j-ḥan</i>)	<i>gi-da-r-ḥin</i>
II	<i>gi-w-ē-ḥan</i> (< <i>gi-we-j-ḥan</i>)	<i>gi-da-r-ḥin</i>
III	<i>gi-w-ā-ḥan</i> (< <i>gi-wa-w-ḥan</i>)	<i>gi-da-b-ḥin</i>
IV	<i>gi-w-aj-ḥan</i> (< <i>gi-wa-j-ḥan</i>)	<i>gi-da-d-ḥin</i>
	Ветатив	Футурум
I	<i>gi-m-aj-ḥan</i> (< <i>gi-ma-j-ḥan</i>)	<i>hi-w-a-ḥes</i> (< <i>hi-wa-ḥes</i>)
II	<i>gi-m-ē-ḥan</i> (< <i>gi-me-je-j-ḥan</i>)	<i>hi-w-ē-ḥes</i> (< <i>hi-we-j-ḥes</i>)
III	<i>gi-m-ā-ḥan</i> (< <i>gi-ma-wa-j-ḥan</i>)	<i>hi-w-ā-ḥes</i> (< <i>hi-wa-w-ḥes</i>)
IV	<i>gi-m-aj-ḥan</i> (< <i>gi-ma-j-ḥan</i>)	<i>hi-w-a-ḥes</i> (< <i>hi-wa-ḥes</i>)
	Презенс	Перфект
I	<i>hi-w-a-ḥe</i> (< <i>hi-wa-j-ḥe</i>)	<i>hi-w-a-ḥu</i> (< <i>hi-wa-ḥu</i>)
II	<i>hi-w-ē-ḥe</i> (< <i>hi-wa-je-j-ḥe</i>)	<i>hi-w-ē-ḥu</i> (< <i>hi-we-j-ḥu</i>)
III	<i>hi-w-ā-ḥe</i> (< <i>hi-wa-wa-j-ḥe</i>)	<i>hi-w-ā-ḥu</i> (< <i>hi-wa-w-ḥu</i>)
IV	<i>hi-w-a-ḥe</i> (< <i>hi-wa-j-ḥe</i>)	<i>hi-w-a-ḥu</i> (< <i>hi-wa-ḥu</i>)

Здесь форма презенса (*hiwa-ḥe*) формально совпадает с формой императива. В синтаксической конструкции (словосочетание, предложение) презенс получает суффиксальное классное оформление со значением генитива или же предиката, ср.: *hiwāḥena*

dewlet “оберегаемое состояние (государство)”, *ši dewlet hiwāžena* “мы состояние (государство) оберегаем”, *ši hiwāžena dewlet* “нами оберегаемое (хранимое) состояние (государство)” и т.д.

Усиление корневой морфемы в сочетании с формантом аспекта *-a-* в глаголах *ara+čē* “сажая”, *gera+čē* “укладывая” явно указывает на утерю согласного компонента форманта аспекта (в аналогичных случаях ср.: в рут. — *r, l, j*, в цах. — *j*).

Глагол “убить” имеет две основы: одну для ед. числа (*gikas*), другую — для мн. числа (*g'abtas*). Презенс и ветатив в лексеме *g'abtas* содержит формант аспекта *-a-*: императив — *g'abte* (I, II), *g'ate* (III, IV), перфект — *g'abtu* (I, II), *g'atu* (III, IV), презенс — *g'abaṭa* (I, II), *g'āṭa* < *g'adaṭa* (III, IV), ветатив — *g'imabaṭa* (I, II), *g'imāṭa* < *g'imadaṭa* (III, IV).

Категория аспекта в цахурском языке приобрела еще одну особенность: в видо-временных отношениях усилился лексико-семантический аспект. Так, определенное число глаголов различает видовые пары, например: *getas* “бить” — однократное действие, *iḡa,s* “бить” — многократное действие, *kl'oṡa,s* “проглотить” — однократное действие, *hoṡa,s* “глотать” — протяженное действие, *g'ajxes* “услышать”, *ḡiri-hiles* “слушать”, *ijkaras* “ходить” (в парадигме во всех формах сохраняется показатель аспекта *-j-*, он предшествует корневой морфеме), *hoharas* “ходить” (*ja,q hōharas* “проходить дорогу”, продолжительность действия получена посредством редупликации, ср.: I, IV *hōra* “иди”, “уходи”, II *hijera*, III *hiwōra*) и т.д.

Видо-временные отношения, в первую очередь категория аспекта, в цахурском претпели существенные изменения (подробно [Ибрагимов 1990: 114–122, 196]). Во многом они оказываются идентичными с другими дагестанскими языками. Так, например, в пралезгинском глаголе категория вида была наиболее существенной. Однако в современных лезгинских языках она во многом утратила свой первоначальный облик и ныне сохраняется в форме противопоставления видовых основ [Алексеев 1985: 75].

Наши наблюдения показывают, что бытующее в научной литературе мнение об отсутствии категории аспекта в дагестанских языках не соответствует истине и конкретными материалами языков не подтверждается.

Причины отрицания категории аспекта многими исследователями дагестанских языков кроются в применении типологических (и материальных) характеристик категории аспекта русского языка к дагестанским языкам. Общеизвестно, что такая “методика” чревата большими издержками и не обеспечивает объективной характеристики структурно-системных особенностей языка.

Вид (аспект), являясь грамматической категорией глагола, обобщенно указывает особые (отличительные) свойства, своеобразие протекания действия, процесса. Видовые особенности определяются внутренней “темпоральной структурой” глагольного действия, отношением свойства, характера к внутреннему пределу, результату, длительности, повторяемости и т.д. В языках мира эти отношения реализуются по-разному. Вид (аспект) вносит дополнительные измерения во временные характеристики в связи с оценкой достижения/недостижения внутреннего предела действия, с подчеркиванием процесса протекания действия, с понятием состояния и достигнутого состояния, с понятиями многократности, обычности и т.п. [ЛЭС 1990: 83]. Три времени (настоящее, прошедшее и будущее) в чистом временном понимании (темпоральной локализации) не в состоянии обеспечить все нюансы протекания действия.

В разных языках многообразие форм протекания действия имеет существенные отличия как по структуре, так и по содержанию. Так, в русском языке глагольные лексемы *решил, решал, не решил* относятся к прош. времени. Однако они имеют видовые отличия: *решил, не решил* — сов. вид, *решал* — несов. вид. В азерб. языке эти лексемы имеют такие параллели: *hāl etdi (-m, -n)* — сов. вид, *hāl edirdi (-m, -n)* — несов. вид, *hāl etmādi (-m, -n)* — несов. вид. Здесь интерес представляет лексема *hāl edirdi*

(имперфект) — букв. “решая был (а)”, ср. *hāl edir* “решает”. Накладываемый элемент *-di* восходит к вспомогательному глаголу *idi* “был (а, о)”. Соответственно указанные лексемы в цахурском реализовались бы так: *ha,ɫlaw'una* “решил” (сов. вид), *ha,ɫla'ajij* “решал” (несов. вид), *ha,ɫlaw'u deš* // *ha,ɫled'aw'una* (< *ha,ɫl-hid'aw'una*) “не решил” (потенциалис).

Обзор специальной литературы (часто ограниченный отдельными репликами и не закреплённый материалами языков), а также собственные материалы приводят нас к выводу, что в дагестанских языках в научном плане существует проблема категории аспекта, её функционирования в каждом конкретном языке, многообразия форм её реализации (морфологические, лексико-семантические, синтаксические). Внимательное изучение категории аспекта прояснит многие тёмные стороны видо-временных отношений в дагестанских языках, поможет выявлению пороку необъяснимых изменений в фонемной (звуковой) и морфемной структуре слова, поможет более отчетливо увидеть материальную, семантическую и функциональную близость таких категорий, как число, аспект, класс, возможность взаимной их компенсации с упрощением структурных единиц. Профессиональное решение проблемы является актуальной задачей кавказоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев М.Е. 1985 — Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.
- Бокарев А.А. 1949 — Синтаксис аварского языка. М.;Л., 1949.
- Бокарев Е.А. 1967а — Цезский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Бокарев Е.А. 1967б — Хваршинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Бокарев Е.А. 1967в — Гинухский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Бокарев Е.А. 1967г — Гунзибский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. 1967.
- Бокарев Е.А., Мадиева Г.И. 1967 — Бежитинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Гудава Т.Е. 1967а — Багвалинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Гудава Т.Е. 1967б — Тиндинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Дешериев Ю.Д. 1967а — Будухский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Дешериев Ю.Д. 1967б — Хиналугский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Дирр А.М. 1911 — Рутульский язык. Тифлис, 1911.
- Дирр А.М. 1913 — Цахурский язык. Тифлис, 1913.
- Ибрагимов Г.Х. 1978 — Рутульский язык. М., 1978.
- Ибрагимов Г.Х. 1990 — Цахурский язык. М., 1990.
- Керимов К.Р. 1996 — Есть ли категория вида в лезгинском языке? // ВЯ. 1996. №1.
- Кибрик А.Е. и др. 1972 — Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. 1988 — Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.
- Кибрик А.Е. 1992 — Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Магомедбекова З.М. 1967а — Каратинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Магомедбекова З.М. 1967б — Ахвахский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Магомедбекова З.М. 1967в — Чамалинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

- Магомедбекова З.М. 1971 — Каратинский язык. Тбилиси, 1971.
- Магомедов А.А. 1965 — Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
- Магомедов А.А. 1967 — Агульский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Магомедов А.А. 1970 — Агульский язык. Тбилиси, 1970.
- Мадиева Г.И. 1967 — Аварский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Мадиева Г.И. 1980 — Морфология аварского языка. Махачкала, 1980.
- Мейланова У.А. 1967 — Лезгинский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Микашлов Ш.И. 1959 — Очерки аварской диалектологии. М.;Л., 1959.
- Микашлов Ш.И. 1964 — Сравнительная морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964.
- Муркелинский Г.Б. 1967 — Лакский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Нурмагомедов М.М. 1991 — К вопросу о грамматической категории вида в аварском языке // Глагол и глагольные словосочетания в дагестанских языках. Махачкала, 1991.
- Саидова П.А. 1973 — Годоберинский язык. Махачкала, 1973.
- Саидов М.-С.Д. 1967 — Грамматический очерк // Аварско-русский словарь. М., 1967.
- Услар П.К. 1890 — Лакский язык // Этнография Кавказа. Языкознание. Т. IV. Тифлис, 1890.
- Хайдаков С.М. 1975 — Система глагола в дагестанских языках. М., 1975.
- Ханмагомедов Б.Г.-К. 1967 — Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967.